

История, показанная в кино

Комментарий к просмотру фильма «Телец»

Всегда смотрю мало и с опаской отечественное кино. Поскольку велик риск напороться на какую-нибудь очередную гадость.

Но этот фильм режиссера Александра Сокурова посмотрел ради сценария замечательного писателя Юрия Арабова.

И здесь уже просто сверхреволюция – показывать Ленина без штанов, до этого нужно же было еще додуматься. Фильм 2000 года, а снимался, вероятно, в 1999, значит еще при Ельцине.

В принципе интересно, если бы не отдельные сцены.

Вот для сравнения как вообще «видят» историю англичане и русские. Первые это Диккенс, вторые – Гоголь.

Выбранный сюжет в принципе одинаков – четверо джентльменов у Диккенса отправляются путешествовать, делая путевые заметки – «Пиквикский клуб». Все, что они наблюдают занимательно и забавно, ничего мерзкого и отвратительного нет.

У Гоголя в общем то же самое – трое героев один из которых Чичиков, другой – его слуга Петрушка, а третий – кучер Селифан тоже отправляются в путешествие на сей раз по России.

И сразу картина радикально меняется. Прежде всего, сами герои. Барин – ни то, ни сё, не то, чтобы толст, но и не тонок, в общем, человек без лица.

Лакей Петрушка и того хуже – у него *ноги* не мыты, не то что в культурной Англии, где можно даже умыться из тазика (умывальник, видимо, еще не изобретен) рис. 1.

Рис. 1. Английские удобства для гигиены джентльмена.

Но главное обвинение... любит читать книги. Само его имя ПО-НАШЕМУ, ПО-ЕВРОПЕЙСКИ – Пьеро, а это карнавальная маска, изображающая *шута*, которого можно и должно постоянно лупить палками.

Книги, которые он читает, понятно, принадлежат барину, поскольку денег на их покупку он не имеет. И что особенно важно, в этих книгах имеются слова, которые «черт его знает, что и значат». Но даже и это его не останавливает, так велика страсть к учению.

Нам в школе, понятно, не объясняют, что это значит. Подразумевается, конечно же, непроходимая тупость Петрушки.

Но тот, кто когда-либо держал в руках или хотя бы просто видел книги 19 века, сразу поймет, о чем тут идет речь. Тогда ведь была такая мода – вставлять в русский текст *латинские* или *французские* слова и целые длинные фразы, конечно же, на латинице, и, разумеется, без всякого перевода. Поскольку «*всякий культурный человек был ОБЯЗАН* это непосредственно понимать». А тот, кто не понимает, например, самоучка Петрушка, разумеется, неуч и беспросветный дурак.

Этим развлекались многие русские, например, Лев Толстой. Вот характерное начало «Войны и Мира».

«— *Eh bien, mon prince. Genes et Lucques ne sont plus que des apanages, des поместья, de la famille Buonaparte. Non, je vous previens, que si vous ne me dites pas, que nous avons la guerre, si vous vous permettez encore de pallier toutes les infamies, toutes les atrocites de cet Antichrist*

(ta parole, j'y crois) — je ne vous connais plus, vous n'etes plus mon ami, vous n'etes plus мой верный раб, comme vous dites. Ну, здравствуйте, здравствуйте. Je vois que je vous fais peur, садитесь и рассказывайте.

Так говорила в июле 1805 года известная Анна Павловна Шерер, фрейлина и приближенная императрицы Марии Феодоровны, встречая важного и чиновного князя Василия, первого приехавшего на ее вечер. Анна Павловна кашляла несколько дней, у нее был грипп, как она говорила (грипп был тогда новое слово, употреблявшееся только редкими). В записочках, разсланных утром с красным лакеем, было написано без различия во всех:

«Si vous n'avez rien de mieux a faire, M. le comte (или mon prince), et si la perspective de passer la soiree chez une pauvre malade ne vous effraye pas trop, je serai charmee de vous voir chez moi entre 7 et 10 heures. Annette Scherer».

— *Dieu, quelle virulente sortie* — отвечал, нисколько не смутясь такою встречей, вошедший князь, в придворном, шитом мундире, в чулках, башимаках, при звездах, с светлым выражением плоского лица. Он говорил на том изысканном французском языке, на котором не только говорили, но и думали наши деды, и с теми тихими, покровительственными интонациями, которые свойственны состаревшемуся в свете и при дворе значительному человеку. Он подошел к Анне Павловне, поцеловал ее руку, подставив ей свою надушенную и сияющую лысину, и покойно уселся на диване.

— *Avant tout dites moi, comment vous allez, chere amie?* Успокойте друга, — сказал он, не изменяя голоса и тоном, в котором из-за приличия и участия просвечивало равнодушие и даже насмешка.

— *Как можно быть здоровой... когда нравственно страдаешь? Разве можно оставаться спокойною в наше время, когда есть у человека чувство?* — сказала Анна Павловна. — *Вы весь вечер у меня, надеюсь?*

— *А праздник английского посланника? Нынче среда. Мне надо показаться там,* — сказал князь. — *Дочь заедет за мной и повезет меня.*

— *Я думала, что нынешний праздник отменен. Je vous avoue que toutes ces fetes et tous ces feux d'artifice commencent a devenir insipides.*

— *Ежели бы знали, что вы этого хотите, праздник бы отменили,* — сказал князь, по привычке, как заведенные часы, говоря вещи, которым он и не хотел, чтобы верили.

— *Ne me tourmentez pas. Eh bien, qu'a-t-on decide par rapport a la depeche de Novosiizoff? Vous savez tout.*

— *Как вам сказать?* — сказал князь холодным, скучающим тоном. — *Qu'a-t-on decide?»*

Ставящее современных читателей в положение того же Петрушки.

Сейчас ведь французский язык к школьному изучению вовсе не обязателен, поэтому добавляют также и перевод. Но в 19 веке этого как бы не требовалось. Было и так понятно — всем, кроме Петрушки.

Нынешние писатели, к примеру, Пелевин, развлекается точно так же. Но лишь с английскими текстами «поскольку всякий культурный человек и т.д.»

Теперь представим себе другую картину. В английских книгах будут точно такие же вставки на РУССКОМ языке, набранные кириллицей.

Которые ВСЯКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ АНГЛИЧАНИН тоже обязан понимать без всякого перевода. Ну и каков при этом будет результат теперь уже у английского Петрушки? Пусть даже и «джентльмена».

Про кучера Селифана и говорить нечего. И едет эта троица по Руси, видя там сплошной мрак и непроходимый ужас.

То, что в Англии было ЗАБАВНО и весело у нас *и только у нас* – чудовищно и ужасно. И это уже вовсе шутка, скорее злая сатира. Так что традиции нынешних всепропальщиков «либералов» тянутся еще со времен Гоголя.

Дело в принимаемой установке

Неясно прежде всего даже название фильма.

Что за Тельца имеют в виду?

Золотого, вызвавшего саму революцию рис. 2 (из фильма «Догма»).

Рис. 2. Золотой телец – причина всех войн и революций.

Или некой жертвы «за правое дело» рис. 3.

Рис. 3. Заклание жертвенного тельца.

По сюжету им вроде бы должен быть Ленин. Сгоревший на работе, жертвуя собой «за дело революции».

Здесь интересна тенденция развития этого образа.

Сначала Ленин изображался сказителем в духе Василисы Премудрой – «махнула левой рукой — сделалось озеро, махнула правой — и поплыли по воде белые лебеди».

Вот Ленин пишет на коленке руководящие указания рис. 4.

Рис. 4. Ленин пишет на коленке руководящие указания.

Махнет рукой влево – люди куда-то бегут рис. 5.

Рис. 5. Махнет рукой влево – люди куда-то бегут.

Махнет вправо – тоже куда-то лезут.

Теперь другой перегиб – Ленин в виде античной купальщицы рис. 6, 7.

Рис. 6. Античная купальщица.

Рис. 7. Ильич в виде античной купальщицы.

С интересной демонстрацией задницы рис. 8.

Рис. 8. Ленину измеряют температуру.

Сталин тоже показан творчески. Он приезжает проведать больного. И в пику Троцкому сфоткаться с ним на знаменитой скамейке. Ну, и какие к нему претензии?

Их тоже сразу находят. И даже три. Во-первых, слишком долго вылезит из машины. Во-вторых, его шинель не по росту рис. 9.

Рис. 9. Сталин в чрезмерно длиннополой шинели.

И, в-третьих, долго не может найти больного, заплутавшись в переходах дворца. Вот так настоящий художник умеет выделить «главное».